

АНАСТАСИЯ ИВАНОВА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

БЫВШИЙ

*Реанимируй нашу
любовь*

Анастасия Иванова

БЫВШИЙ, реанимируй нашу любовь

<https://litres.ru/74235099>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Нет, Кать, я тебе больше не дам уйти!

Мотаю головой, выбираюсь из захвата сильных мужских рук.

— Мурзиков, это ты у нас хирург-реаниматолог. Вот и реанимируй нашу любовь! Покажи, чего стоят твои слова на самом деле, а не пытайся просто удержать. Не сможешь.

Я мечтала спасти жизни, но влюбилась. И эта любовь не принесла в мою жизнь ничего хорошего. Она разрушила мой мир. Лишила мечты.

Спустя десять лет я обычная санитарка, а он — мой босс, блестящий хирург. Между нами пропасть из лжи и боли. Но, может быть, ещё возможно реанимировать нашу любовь?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анастасия Иванова

Бывший, реанимируй нашу любовь

Глава 1

— Нет, нет, нет! Только не это! — смотрю на идеально белоснежный потолок, с которого медленно, по капле капает вода.

Моей вины в этом нет, но я всё равно чувствую её. Нас пустили в эту квартиру временно пожить, пока не освоимся в новом для нас с сестрой городе, не встанем на ноги.

Просто когда я обращалась к Ивану Платоновичу, в прошлом он был моим куратором, я рассчитывала получить только работу. Но Трофимов помог ещё и с жильём. Это не жалкий угол в коммуналке на десять комнат. И даже не студия на окраине города, он поселил нас в современном жилом комплексе. В новой квартире, где до нас никто не жил.

И вот сейчас, вместо того чтобы готовиться к первому рабочему дню, я смотрю, как с потолка на меня капает вода.

Стираю со лба воду, сжимаю руки в кулаки и решительным шагом направляюсь в коридор.

Ну что, соседи, пора знакомиться!

Поднимаюсь на этаж выше. Вдавливаю кнопку дверного звонка, за дверью раздаётся милые птичьи переливы. Какая прелесть. Только даже птички сейчас меня раздражают.

Стоит представить, как буду оправдываться перед Иваном Платоновичем, злость в венах вскипает ещё сильнее. Если эти любители птичек добровольно дверь не откроют — взломаю!

Я даже начинаю осматривать лестничную площадку, вдруг по чистой случайности и большому везению кто-нибудь набор для вскрытия квартир обронил. К сожалению, не получится узнать, какой из меня домушник. Дверь в квартиру открывается.

Передо мной стоит лесная нимфа с зелёным лицом, но красными губами. Талия обмотана пищевой плёнкой поверх соблазнительного кружевного белья вызывающе красного цвета.

Такую роскошь я не ожидала увидеть, если честно.

От шока даже забываю, зачем пришла. Так и продолжаю её разглядывать, а она — меня.

— Ты не котик, — вдруг произносит капризным тоном. Будто ей Деда Мороза пообещали пригнать, а явился Кощей Бессмертный.

— Да и ты на зайку не похожа, — отвечаю на автомате. Трясу головой, приводя мысли в порядок. — Извините, я ваша соседка снизу. Вы меня топите.

— Я не могу вас топить. У меня спа-процедуры.

Обводит рукой своё лицо и фигуру.

И как я только не заметила?!

— Одно другому не мешает. Но с потолка у меня капает вода.

За спиной звякает лифт. Слышу тяжёлые мужские шаги, но не оборачиваюсь. Не смотрю, из какой квартиры выйдет сосед. Продолжаю сверлить взглядом соседку. Зато она быстро меняется в лице. Красные губы уродливым пятном расплываются в стороны. Девушка противно взвизгивает, словно поросёнок, которого готовят на убой, и совершенно забывает о своём внешнем виде, выпрыгивает из квартиры.

— Мурзик, ты приехал!

Ласковое прозвище бьёт по барабанным перепонкам и мощнейшей волной, как при ядерном взрыве, откидывает меня назад. В прошлое.

Как много мужчин, которых зовут Мурзиками?

Я знала только одного.

Откуда берутся силы — непонятно. Но я медленно оборачиваюсь назад и застываю в неестественной позе и наверняка с глупым выражением на лице.

Шок, отказ принятия реальности. Но всё же, сколько бы мозг ни сопротивлялся, отрицать очевидное долго не получается. Передо мной никто иной, как Мурзиков Матвей. Мой бывший парень. Тот, из-за кого я лишилась своей мечты стать врачом.

— Кошкина?!

Мурзик выглядит не менее ошарашенным, чем я. Серебристые глаза не просто рассматривают меня. Ощупывают. Сверяют с тем, что застыло в памяти. Да я и сама не лучше.

Скольжу по каждой чёточке возмужавшего лица, по аккуратной щетине, по светлым волосам, в прядях которых запутались капли декабрьского дождя.

Матвей всё тот же, но в то же время совершенно другой.

Передо мной больше нет весёлого парня-студента с озорной улыбкой. Кажется, его повзрослевшая копия вообще не знает, что такое улыбаться.

— Вы что, знакомы?! — противно пищит кикимора, но я игнорирую её.

Продолжаю изучать Мурзикова. Оцениваю и дорогое кашемировое полупальто, которое распахнуто, и как тонкий джемпер соблазнительно обтягивает мускулистую грудь. Джинсы, что подчёркивают накачанность ног.

Чёрт, он явно не вылезает из спортзала, а когда мы были вместе, я не могла его даже на утреннюю пробежку вытащить. Матвей говорил, у него аллергия на ранний подъём и утреннюю активность, если только это не секс.

Гадство!

Последняя мысль и те воспоминания, которые она цепанула, точно были лишними. Мурзик теперь по кикиморам. Да и, если зелёнолицей бы здесь не было, всё равно прошлое надо оставлять в прошлом.

— Знакомы, — отвечает наконец Матвей, перестав плясать на меня и вспомнив, что его девушка стоит рядом, — учились вместе.

Ну да.

Всего лишь одноклассники. Так тоже можно сказать.

— Что здесь происходит? Кошкина, откуда ты здесь взялась? Соскучилась настолько, что решила выследить?

Ан нет, улыбаться не разучился. Вон как губы кривятся в самодовольной ухмылке. Ещё, небось, свою шутку считает ужасно остроумной. Угу. Только нож для масла и то острее будет.

— Вы меня топите. Коридор около ванной комнаты заливают, пока у твоей красавицы спа-процедуры.

Довольное выражение с лица Матвея быстро пропадает. Отлепляет от себя кикимору, оценивающе осматривает её, тихо ругаясь, быстро идёт в квартиру.

— Наташа! — орёт так, что уши закладывает, зато у красавицы, кажется, мозг просыпается.

— Ой! — вбегает в квартиру, и я без приглашения захожу следом. Присвистываю, глядя, как под слоем воды паркет уродливо разбухает. Наташа снова пытается ластиться к Матвею, виновато заискивает перед ним: — Мурзик, а я тебе ванну приготовила, чтобы стресс после ночной смены снять.

— Поздравляю, Наташа, у тебя это получилось! — теперь я не скрываю веселья. Чёрт, а не такое уж и плохое утро вышло!

Никогда не думала, что буду радоваться за бывшего и его новые отношения, но пара у Мурзикова что надо!

— Ладно, с вами весело, но мне на работу пора. Что будем с моим потолком делать?

— Кошкина, не переживай, за день не съеду. Это только ты умеешь бесследно испаряться так, что не сыщешь.

В его взгляде мелькает что-то тёмное, недоброе, отчего я невольно отступаю к выходу, но уже в следующую секунду его глаза снова светло-серые, и никакой угрозы в них нет. Может, просто показалось?! Освещение в коридоре не самое удачное, в конце-то концов.

— Оплачу тебе ремонт потолка. Вечером после работы заходи, — бросает и тут же забывает обо мне.

Я переступаю с ноги на ногу, словно чего-то ещё жду, но тут же вспоминаю о работе.

Опоздаю же!

Быстро срываюсь с места к себе в квартиру. Нужно переодеться и бежать в клинику, а с бывшим по соседству я позже разберусь.

Глава 2

— Здесь раздевалка, — проводит экскурсию старшая санитарка, — а это рабочая столовая. Есть ещё кафе для посетителей, но туда в рабочей форме не разрешено ходить.

Киваю, запоминая, где и что находится.

Чуть открыв от восторга рот, рассматриваю современный дизайн клиники, стильную мебель и новое оборудование. Палаты больше напоминают гостиничные номера люкс, да и клиника выглядит как модный современный санаторий. Не сравнится с той областной больницей, в которой я работала до этого, где на туалетную бумагу приходилось скидываться всем персоналом.

Я и мечтать не могла, что когда-нибудь буду работать в таком месте. Пусть и в должности санитарки.

С грустью кидаю взгляд в сторону ординаторской и персонала в белых халатах. Моя детская мечта, с которой меня вынудили расстаться. Думала, у меня давно всё отболело. Отпустила. Но нет. Сейчас снова сердце ноет в груди. Может, дело в клинике, а может, в утренней встрече с виновником моих бед.

“Это только ты умеешь бесследно испаряться так, что не сыщешь”, — слова на повторе звучат в голове всё утро. Неужели Матвей меня искал? Но зачем?

От мысли, что мы снова вечером встретимся, испытываю

странный трепет.

Глупая.

Какая же я глупая.

Почему не могу спокойно реагировать? Ну, встретились, бывает. Чего я жду? Что улыбнётся, как раньше, и признается в любви? Так у Матвея кикимора есть. Пусть ей и улыбается, а я просто «учились вместе». Не бывшая. Не та, на которой собирался жениться. Всего лишь одноклассница.

Правильно Мурзиков всё сказал, так отчего я тогда злюсь?!

— Здесь, Катя, будешь отмечаться каждый раз, когда заступаешь на смену и когда заканчиваешь, — Надежда показывает на современное чудо техники, объясняет, какие кнопки жать, но я запоминаю всё на автомате. Мысленно я всё не могу покинуть квартиру соседа. — Это прачечная, чтобы рабочую форму не носить домой, всегда можешь воспользоваться ею. Ещё вопросы или готова приступить к работе?

— Готова.

Занять себя делом — это как раз то, что мне жизненно необходимо!

В дела я ухажу с головой. Сегодня Надежда отправила меня приводить палаты в порядок. Меняю постельное бельё, дезинфицирую поверхности и оборудование, что имеется в палатах.

Погружаюсь в рутину настолько, что забываю об обеде. Да и чувство голода совершенно не испытываю, но Надежда

сама приходит ко мне в два часа и строгим, наставническим голосом отправляет в столовую.

Оказывается, она решает познакомить меня с коллегами, так сказать, в неформальной обстановке. В нашей смене санитаров ещё трое, не считая меня и Надежды. Две студентки младших курсов и женщина лет пятидесяти с проницательным взглядом, который она не спускает с меня.

— Говорят, тебя сам Трофимов устроил сюда, — вдруг говорит она.

Студентки издают дружное, немного восторженное “оу”, и тоже впиваются в меня пытливым взглядом.

— Да. Он был моим куратором на последнем курсе.

— Ты врач?!

— Ты училась у самого Трофимова?!

Девчонки смешно подаются вперёд. Пытаются выискать следы лжи или просто разузнать всё до последней мелочи.

— Училась. Десять лет назад, но институт так и не окончила, мне пришлось срочно вернуться в родной город, а там кроме должности санитарки ничего другого мне предложить не смогли.

Почти не вру.

Только и жестокую правду им знать не надо: врачом мне не дали стать. И даже мои попытки выучиться на медсестру окончились крахом.

«Твоя судьба — утки выносить и унитазы мыть. На большее не рассчитывай», — десять лет назад я не поверила, что

Один человек может с лёгкостью решить судьбу другого.

Дурочка наивная.

Если есть связи и деньги, и не такое могут.

Мне пришлось смириться, что лишь санитаркой мне позволят быть.

Глава 3

Вытираю вспотевшие ладони о брюки домашнего костюма.

Уф.

«Это просто сосед. Да, когда-то твой бывший, но сейчас просто сосед!

Договоритесь о возмещении ущерба за испорченный потолок, и всё, больше не увидите. Главное — лифтом не пользоваться, чтобы не спровоцировать судьбу и не застрять с Мурзиком вместе, а то получится, как в плохой комедии.»

Снова вытираю руки о брюки, делаю глубокий вдох и жму кнопку дверного звонка. До меня сразу доносится пение птичек. Красивое, чёрт возьми, но сейчас ужасно раздражающее!

Мог бы себе Матвей и пение Мэрилина Мэнсона установить. Я бы к нему каждое утро заглядывала. Часов в пять. Просто чтобы пожелать хорошего дня.

Слышу, как щёлкают замки, и осознаю: я не готова к новой встрече! Чёрт с этим потолком, сами покрасим.

Разворачиваюсь, но убежать не успеваю.

— Что, Кошка, нагадила и сбегаешь?

Офигел?!

Скажи он любые другие слова, я бы притворилась глухой и что я не я. Но нет. Мурзиков прекрасно знал, на что я от-

реагирую.

Резкий поворот на 180 градусов, два шага — и мы стоим друг напротив друга. Хотела бы сказать, лицом к лицу. Но нет. Мой нос упирается в его грудь чуть ниже шеи. Я не сразу поднимаю взгляд. Какое-то время пялюсь на него бесстыже.

Мерзавец вышел меня встречать, даже не удосужившись накинуть футболку! Знал ведь, что я приду.

«Угу, Кошкина, ну и самомнение у тебя! Не забывай, он вроде как с кикиморой живёт. Может, ты их от брачных игр-ищ отвлекла. Может, именно в этот момент эта самка богомола Мурзику голову пыталась открутить, а ты ей помешала.»

— Кошкина, можешь притронуться. Вижу же, как руки чешутся от желания. Видимо, совсем давно мужика в твоей жизни не было.

— Пусть твоя кикимора тебя трогает, а мне есть кого! Мурзику, когда придёшь исправлять последствия спа-курорта?

— Вот так сразу к делу?

Иронично выгибает бровь, нагло ощупывает меня взглядом, будто имеет на это какое-то право! Задерживается на груди, потом на бёдрах, а я жалею, что надела именно этот домашний костюм. Хлопок тонкий и ни черта не скрывает от наглых глаз.

— И что, Кошкина, даже не спросишь, как я жил все эти годы?

— Мне неинтересно, — гордо вздёргиваю подбородок. — Матвей, не отнимай моё время.

— Муж ждёт? — голос Мурзикова меняется, от весёлости не остаётся ни следа. Наоборот, звучит напряжённо.

И сам он меняется. Матвей подаётся чуть вперёд, все его мышцы натягиваются, а черты лица заостряются. Мозг буквально орёт о надвигающейся беде, но я игнорирую все красные флаги. Перехожу черту.

— Да.

С вызовом смотрю в его серебристые глаза и вижу надвигающуюся на меня выюгу.

— И что за дерьмового мужика ты себе нашла, Кошкина, раз разбираешься с соседями ты, а не твой мужик?

— Мурзиков, хватит заговаривать мне зубы. Тебя там Наташа ждёт, вода в ванне, наверное, стынет. Когда ты придёшь делать потолок?

Матвей не спешит отвечать. Пялится. Изучает тяжёлым пристальным взглядом. Сканирует, выискивая трещины в броне, а потом его губы расплываются в улыбке. Хотя нет. От улыбки ничего там нет. Звериный оскал, когда хищник понимает, что загнал добычу в угол. И от этого оскала по коже бегут мурашки, а я непроизвольно делаю шаг назад.

— В субботу, Кошкина. Жди меня в субботу, — Матвей снова пробегает по мне взглядом, за что-то цепляется, черты его лица расслабляются, а тон становится обманчиво мягким: — И готовься, Кошка.

Матвей подмигивает, заходит обратно в квартиру, закрывает дверь. А я как дура стою какое-то время, не в силах пошевелиться.

И пытаюсь понять, к чему готовиться?!

Глава 4

«Готовься, Кошка».

Эти слова крутятся в голове, словно заезженная пластинка. Что он имел в виду? Что за игру затеял Матвей?

Возвращаюсь в квартиру, машинально включаю свет в прихожей, но выключатель на кухне игнорирую. Руки всё ещё слегка дрожат. Пытаюсь выровнять дыхание, получается откровенно плохо. Ставлю чайник — нужно хоть чем-то занять себя, чтобы не накручивать.

За окном уже темно. Часы на стене показывают без десяти восемь. Суббота... Всего два дня. Почему именно в субботу? Почему не завтра? Или не сегодня? Зачем эта пауза?

Чайник закипает с пронзительным свистом. Я вздрагиваю, наливаю кипяток в чашку, добавляю ложку мёда. Горячий напиток немного успокаивает, но мысли всё равно скачут.

Прошрое. Настоящее.

Мурзик, которого я любила. Улыбчивый, с пшеничными волосами и задорным взглядом.

Вспоминаю, как он дурачился, пытаюсь мне всячески поднять настроение, потому что я завалила топографическую анатомию. Как однажды ворвался ко мне в комнату в общежитии весь промокший, грязный от земли и травы, с букетом ландышей, который лично нарвал для меня.

И Мурзиков сейчас, который живёт в новом жилом комплексе комфорт-класса, с телом греческого бога, с такой же самооценкой, судя по его наглому взгляду и ухмылке, что не исчезала с его губ. А ещё он живёт с кикиморой модельной внешности.

Зачем я пытаюсь найти между этими двумя мужчинами хоть что-то общее?

Зачем вообще ворошу воспоминания?

Забыть. Давно пора всё забыть.

Стереть Мурзика из памяти. Нет его больше. Нет того парня, который обещал мне быть всегда рядом, несмотря ни на что.

Я сама сделала выбор. Не в его пользу.

Я сама отказалась от него.

— Систер? А чё везде темно и тихо? Ты вообще дома? — доносится голос из прихожей.

Веду плечами, в тщетной попытке сбросить груз ненужных размышлений.

— Мила, я на кухне!

Пытаюсь придать голосу бодрости, но выходит скверно. Остаётся надеяться, сестра не заметит моего состояния.

Милана заходит на кухню, первым делом щёлкает по выключателю, и я жмурюсь от яркого света, что слепит глаза.

— Катька, это так классно! — мечтательно тянет она. — Сразу видно — культурная столица! Тут совсем другой уро-

вень подготовки. Другие знания! Я о таком в нашем универе даже мечтать не могла!

— Я рада, — улыбаюсь вполне искренне, потому что ради счастливой улыбки сестры готова на всё. — Кушать будешь? И где ты так долго пропадала?

Снова кошусь на часы. Присвистываю. Почти десять. Ого. Как же сильно меня затянуло в болото с воспоминаниями.

— Милана! Ты почему не позвонили и не написала, что задерживаешься?!

— Я звонила, а ты не отвечала.

Тут же оглядываюсь по сторонам, но телефон нигде не вижу. Наверное, оставила в комнате. Растяпа. Боже, это же надо, как меня накрыло от встречи с прошлым.

— Катюш, а у тебя как прошёл первый день? И ты кормить меня будешь?

Спохватываюсь и быстро начинаю доставать из холодильника еду, которую приготовила ещё вчера с запасом, чтобы после работы не тратить на это время.

— Нормально. Клиника, конечно, шикарная. Всё электронное, автоматизированное, не сравниться с нашей областной.

Накладываю пюре в тарелку, рядом кладу две котлеты. Отправляю всё разогреваться в микроволновку. Контейнеры с готовой едой убираю обратно. Делаю всё на автомате, а сама пытаюсь понять, рассказывать сестре о встрече или нет.

В принципе, она никогда не видела Матвея в лицо. Даже

если столкнутся, то катастрофы не будет.

Но и умалчивать о таком кажется неправильным. Я давно не вру Милане, не скрываю от неё ничего. Мы привыкли доверять друг другу, так как больше у нас нет никого. Мы можем рассчитывать лишь друг на друга и на самих себя.

— Нас затопили.

— Как?! Ты Ивану Платоновичу звонила? Что говорит? Он же не выгонит нас из квартиры? Мне тут так нравится, Катя!

— Милаш, мы здесь временно, пока свою не арендуем. Я не могу сидеть на шее у бывшего куратора. Он и так помог сильно.

Сестра тяжело вздыхает..

— Знаю. Но тут классно. Так что с потолком?

— Ходила к соседям.

Микроволновка сигналиит о готовности, достаю тарелку и передаю её сестре. Кладу перед ней вилку, наливаю в стакан её любимый томатный сок без соли. Милашка тут же набивает полный рот еды, поднимает на меня свои ярко-зеленые глаза.

— Что говорят? Нормальные?

Уф.

Была не была.

— Наш сосед — Мурзииков Матвей.

На кухне повисает тишина. Даже, кажется, стрелка часов перестаёт отсчитывать ход времени. Мила тщательно прожё-

вывает еду. Громко сглатывает и с нескрываемой ненавистью уточняет:

— Твой бывший?

Киваю.

Мила резко подпрыгивает с места.

— Ну, я ему сейчас устрою! Он за всё мне ответит!

Глава 5

— Вы на каком этаже живёте?

Милаша выдаёт свою фирменную улыбочку, после которой ни один мужчина не может остаться равнодушным к ней. Когда мужик клюёт на её очарование, Милана добивает парой взмахов своих пышных ресниц. Всё. Магия случилось, представитель сильного пола превращается в тряпочку и добровольно вешается на крючок Милы.

— Седьмой, а вы?

Милана тут же теряет к нему всякий интерес. Отворачивается, не скрывает разочарования в голосе:

— Не подходит.

— Извините, — виновато улыбаюсь случайной жертве Милки, пока он ошарашенно пялится на мою сестру и пытается понять, что происходит.

— Так что насчёт знакомства?

— Не будет, дядечка. Мне гадалка предсказала не связывать свою судьбу с тем, кто живёт на седьмом. Говорят, изменником будет.

Мужчина стоит, раскрыв рот, в немом шоке, а потом поспешно выдаёт:

— Вас Рая подослала, да?! Она сама сказала, что мы разводимся! Я не собирался ей изменять.

— У-у-у, ты смотри-ка, гадалка не обманула, а ты не ве-

рила ей, Кать.

В этот момент как раз раскрываются двери лифта, оттуда выходит эффектная блондинка с малышом на руках. Мужчина тут же падает ей в ноги, преграждая путь.

— Раечка! Я не собирался тебе изменять! Рая, это просто знакомство! Ты посмотри на неё, она же ни в какое сравнение не идёт с тобой. Худая и рыжая!

Блондинка перевод непонимающий взгляд от мужа на нас. Осматривает сначала меня, потом Милу. Видно, прикидывает, о ком именно её муж говорит.

Мила хватается меня за руку и обходит по дуге.

— Он не врёт, — говорит Мила ей, — между нами ничего не было.

Затаскивает меня в лифт и жмёт на одиннадцатый этаж.

— Кать, скажи мне, неужели сейчас все мужики вот такие? — с детским разочарованием спрашивает Мила. — Сначала улыбаются понравившейся девушке, а потом в ногах у жены ползают, вымаливая прощение? Бррр, мне эта картина теперь в кошмарных снах будет сниться! Нет. Лучше одна буду до самой старости, чем с таким.

— Мила, ну ты чего сразу в крайности? — пытаюсь успокоить сестру, пока лифт плавно поднимается. — Не все мужчины такие. Просто попался неудачный экземпляр для демонстрации.

— Да ладно тебе, Кать! — Милана скрещивает руки на груди, взгляд всё ещё полон негодования. — Я просто не по-

нимаю, как можно так быстро переключаться?! Только что улыбался мне, а через секунду уже валяется в ногах у жены. Как после такого вообще можно верить мужчинам?

Я открываю дверь, пропускаю сестру вперёд.

— Давай не будем обобщать. Один идиот не делает погоду во всём мужском мире.

Разматываю объёмный зелёный шарф крупной вязки. Снимаю и закидываю на полку для головных уборов. Следом снимаю пуховик и вешаю на настенную вешалку.

— И, Милана, перестать приставать к мужчинам в подъезде! Так можно и на неприятности нарваться.

— А как мне ещё вычислить мудака из твоей прошлой жизни, если подниматься к нему на этаж ты мне запретила.

Сестра скидывает своё зимнее пальто прямо на пуфик, там же сбрасывает сапожки на небольшом каблучке и идёт в ванную. Не обращая внимания на шум воды, продолжает со мной разговаривать, пока я убираю её вещи.

— Я столько лет мечтала ему надавать по шее за всё, что он сделал. За все твои пролитые слёзы.

— Он не виноват.

— Он — нет, а его семья — да! Если бы не его чокнутая мамаша, ты была бы хирургом.

Сглатываю горький ком в горле.

Прошло десять лет, а я до сих пор помню тот разговор в мельчайших подробностях.

— Так вот как живёт теперь мой сын.

Женщина в строгом красном костюме отталкивает меня и без приглашения проходит в нашу съёмную квартиру. Осматривает её, словно под лупой.

— М-да уж... ни какого комфорта и уюта. Обычный ба-
рак.

Женщина показательно проводит двумя пальцами по кон-
соли в прихожей, проверяя на наличие пыли.

— Ну хотя бы убираться умеешь, и то хорошо.

— Что вам нужно? — голос предательски дрогнул, выда-
вая весь мой страх и неуверенность.

— Поговорить.

Она сама проходит на кухню, но на стул не присаживает-
ся. Останавливается у окна, морщится от открывшегося ви-
да прямо на МКАД.

— Ты не пара для моего сына. Он из семьи врачей. У него
впереди блестящая карьера хирурга, а ты ненужный балласт.
К сожалению, Матвей на данный момент ослеплён и не по-
нимает, что от тебя нужно избавляться.

— Что вы такое говорите?

Я понимала смысл её слов и куда она клонит, но верить в
услышанное отказывалась.

— Мне неважно как, но ты сегодня же расстанёшься с Мат-
веем. Рвёшь ваши отношения раз и навсегда.

— Нет!

— Да. В твоём городе, кажется, остались сестра с бабушкой. Обидно будет, если опека признает бабушку недееспособной, и придётся тогда малышке отправиться в детдом. Малышка красивая, думаю, найдутся те, кто захочет быстро оформить опеку. Только вот в какую семью она попадёт — вопрос. К новым любящим маме и папе или к какому-нибудь торговцу людьми.

Страшные картинки тут же возникли перед глазами. Пальцы предательски задрожали, и из них выскальзывает стакан с водой, который я только что взяла, чтобы сделать пару глоточков, так как от слов этой женщины в горле пересохло.

Мать Матвея смотрит на осколки около моих ног, едва заметно усмехается, радуясь, что добилась нужного эффекта.

— Так же, Катерина, тебе нужно уехать из города. Так мой мальчик быстрее забудет о тебе.

— Я не могу! У меня здесь учёба и работа.

— Были. Тебя отчислили. Соответственно, и с работы уволили. Тебе не быть врачом, Катерина. Твоя судьба — утки выносить и унитазы мыть. На большее не рассчитывай. Тебя на учёбу не возьмёт ни один медицинский колледж и тем более институт. Ты — никто! Поверь, Катерина, я сделаю всё, чтобы ты никогда не забывала, кто ты на самом деле и где твоё место.

Глава 6

Я не поверила матери Матвея, но и любимому ничего не рассказала. Сердце сжималось от тревоги. Мне отчаянно не хотелось, чтобы он из-за меня портил отношения с матерью.

Своё подавленное состояние и заплаканный вид я списывала на усталость. Мурзиков верил мне, и это лишь усиливало чувство вины. Через пару дней раздался звонок от бабушки, она сообщила, что к ним приходили из соцзащиты.

А в институте меня ждал новый удар: в восстановлении отказали, сославшись на нарушение правил проживания в общежитии. Хотя я давно официально съехала оттуда! Но у администрации нашлись свидетели и доказательства, будто именно по моей вине случился пожар.

Я чувствовала себя раздавленной и напуганной. Всё внутри кричало: «Расскажи Матвею!». Но, словно уловив мои намерения, декан остановил меня:

— Кать, не переходи дорогу Мурзаковым. Татьяна Матвеевна устраивает дружеские ужины с министром здравоохранения. Павел Игоревич — владелец крупнейшей фармацевтической компании. Это не те люди, с которыми ссорятся.

— Но это же несправедливо! — вырвалось у меня.

Меня буквально разрывало на части от возмущения. Как кто-то может распоряжаться моей жизнью? Решать, чем мне заниматься, куда идти, что делать?

— В жизни нет справедливости, Катюш, — мягко, но твёрдо ответил декан. — Об этом ещё Толстой в «Воскресении» писал. Представь: приедешь ты домой, расскажешь всё Матвею. И? Что, по-твоему, он должен делать дальше?

Вопрос декана словно ударил под дых. Он казался простым, логичным, но ответа у меня не было. А преподаватель продолжал:

— Допустим, Матвей встанет на твою сторону. Защитит перед родителями. Но Татьяну Матвеевну это не остановит, под удар попадёт и он. А теперь представь, что случится с вашими отношениями через полгода или год. Простит он тебе разрушенную жизнь и ссору с родителями или нет?

Словно в подтверждение своих слов, декан протянул мне второй приказ об отчислении, на этот раз с именем Матвея. Причина: непосещаемость.

— Подождите! Но он тогда лежал в больнице! — воскликнула я, всматриваясь в знакомые даты.

В памяти вспыхнули дни, когда я металась между институтом, практикой и больницей, где Матвей лежал после операции на ноге.

— Справки нет. Значит, прогул, — холодно отрезал декан.

— Она готова испортить жизнь родному сыну?! — голос дрогнул от негодования.

— Катюш, Мурзакова — сложная женщина. Поэтому повторю свой совет от чистого сердца: не воюй.

Именно в этот момент, когда я выходила на улицу, раздался звонок от сестры:

— Кать, бабушке плохо! Её только что забрала скорая!

— Милаш, я еду! — выдохнула я, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

Не заезжая домой, я бросилась на автовокзал и села на ближайший рейсовый автобус. Матвею лишь отправила короткое сообщение: «Дома проблемы». В голове крутилась мысль: «Пока буду в родном городе, всё хорошенько обдумая, взвешу дальнейшие шаги. Решу, стоит ли рассказывать Матвею правду».

Но, приехав домой, я поняла: сейчас не до размышлений о нашем будущем. Опека продолжала давить, бабушка находилась в коме, а врачи отчаянно боролись за её жизнь. Нам оставалось лишь ждать.

Однажды я спросила сестру:

— Мил, а что с водой?

— Трубы надо ремонтировать, — вздохнула она. — Бабушка хотела с пенсии вызвать мастера. Мы мыться к тёте Свете с третьего этажа ходим.

— Почему мне не сказали?! — в голосе прозвучала боль.

К счастью, у меня были отложенные деньги, их хватило на вызов мастера и замену труб. Но вскоре случилось самое страшное: раздался звонок из больницы.

Бабушку не удалось спасти.

Никто не знает, как мне было тяжело и страшно. В два-

дцать четыре года я осталась сиротой с восьмилетней сестрой на руках. И, словно хищные коршуны, сотрудники опеки снова накиннулись на наш дом. Они настаивали, что я не смогу содержать Милану, и хотели забрать её у меня.

Когда раздался телефонный звонок с незнакомого номера, я уже знала, кто звонит. И заранее знала, что отвечу.

Глава 7

Сестра подходит ко мне и со спины крепко обнимает. Заставляет вздрогнуть всем телом, вынырнуть из тяжёлых воспоминаний.

— Катюш, из-за его семьи ты не стала врачом! И бабушка...

Кладу свою руку поверх рук сестры. Сжимаю, не давая говорить. Я сама часто думала: была бы бабушка жива, если бы не весь стресс, что она пережила из-за меня. Зачем я упрячилась?! Почему сразу не вернулась в родной город после первой встречи с Мурзаковой?!

— Милаш, она помогла оформить опеку над тобой, и нас никто не трогал.

— Но нас и начали трогать только из-за неё! Сколько раз ты пыталась поступить в медицинский колледж и выучиться на медсестру? Тебе даже в платном обучении отказывали! А другие работы? Помнишь, секретарём устраивалась, официанткой. Только и месяца не проходило, как тебя вышвыривали. Катя, эта старуха испортила тебе жизнь! А ты её ещё защищаешь. И её сыночку ничего говорить не хочешь, а он должен знать!

— Тогда я лишусь и этой работы.

— Нет! Иван Платонович не позволит тебя уволить. Он, в отличие от остальных, не боится эту гримзу, иначе не стал

бы помогать.

— Милаш, я не буду Ивану Платоновичу за добро платить неприятностями. Всё. Тема закрыта. Матвею ничего не надо знать, и я не передумаю.

Резкими движениями накладываю еду по тарелкам. Злость от разговора и воспоминаний, что даже спустя столько лет причиняют боль, кипит во мне. Не только на Татьяну Матвеевну, но и на Матвея. В свои двадцать четыре я была настолько наивна, что верила: Мурзик найдёт меня! Он ведь клялся мне в вечной любви, говорил, что никогда и ничто не сможет нас разлучить.

Только все его слова оказались сказкой и не имели ничего общего с правдой. Матвей легко поверил в моё желание с ним расстаться. С лёгкостью отпустил меня.

Он не боролся за нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.